

EUROPEAN COURT OF HUMAN RIGHTS
COUR EUROPÉENNE DES DROITS DE L'HOMME

ПЯТАЯ СЕКЦИЯ

**ДЕЛО АЛЕКСЕЯ МИХАЙЛОВИЧА ЗАХАРКИНА
ПРОТИВ УКРАИНЫ**

(Заявление № 1727/04)

РЕШЕНИЕ

СТРАСБУРГ

24 июня 2010

ОКОНЧАТЕЛЬНОЕ

24/09/2010

Это решение станет окончательным при условиях, изложенных в статье 44 § 2 Конвенции. Оно может быть отредактировано

По делу Алексея Михайловича Захаркина против Украины»
Европейский Суд по правам человека (Пятая секция), заседая в составе:

Пеер Лоренсен, *Председатель*,
Рената Яегер,
Карел Юнгвейрт,
Рейт Марусте,
Мирьяна Лазарова Трайковска,
Здравка Калайджиева, *судьи*,
Михаил Буроменский, *специальный судья*,
и Клаудия Вестердийк, *Секретарь секции*,

Рассмотрев дело в закрытом заседании 27 апреля 2010 года,
Провозглашает следующее решение, принятое в этот день:

ПРОЦЕДУРА

1. Данное дело основано на заявлении (№ 1727/04) против Украины, поданном в Суд в соответствии со статьей 34 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее – «Конвенция») украинским гражданином, г-ном Алексеем Михайловичем Захаркиным (далее – «заявитель»), 21 ноября 2003 г.

2. Заявитель, которому была оказана правовая помощь, был представлен г-ном А. Бущенко, адвокатом, практикующим в Харькове. Украинское правительство (далее – «Правительство») было представлено своим уполномоченным, г-ном Юрием Зайцевым.

3. Заявитель утверждает, что он подвергся жестокому обращению со стороны сотрудников милиции, и что эффективное расследование этих событий проведено не было. Заявитель также утверждает, что его содержание под стражей было незаконным, и что он не был доставлен к судье после ареста.

4. 5 февраля 2009 г. Председатель Пятой Секции постановил уведомить Правительство о данном заявлении. Он также постановил рассмотреть заявление по существу одновременно с рассмотрением его приемлемости (статья 29 § 3).

ФАКТЫ

I. ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ДЕЛА

5. Заявитель родился в 1979 году. В соответствующее время он жил в городе Калуш Ивано-Франковской области.

A. Задержание заявителя и заявленное жестокое обращение

6. Около 16 часов 17 мая 2003 года, когда заявитель ехал из Ивано-Франковска в Калуш, он был остановлен сотрудниками милиции, поскольку они получили информацию, что заявитель, который ранее был осужден за кражу, возможно, принимал участие в недавних кражах, совершенных в том районе.

7. При обыске автомобиля заявителя сотрудники милиции изъяли разводной ключ, перчатки, два карманных фонарика и некоторые другие вещи. Кроме того, они якобы нашли в машине и в карманах заявителя некоторое количество марихуаны. По утверждению заявителя, ни при нем, ни в его машине марихуаны не было.

8. После обыска, сотрудники милиции решили оформить арест заявителя в соответствии со статьями 44 и 263 Кодекса об административных правонарушениях за незаконное хранение наркотиков в небольших количествах (административное правонарушение). В то же время они направили изъятый разводной ключ на экспертизу, чтобы выяснить, мог ли он использоваться для взлома дверей недавно ограбленных квартир.

9. Во время допроса заявитель сообщил милиции, что марихуана ему не принадлежит, и заявил, что ее подбросили в его карман и машину сотрудники милиции. В ответ заявитель был избит.

10. По словам заявителя, его подвесили на горизонтальной перекладине, в наручниках и вниз головой; в таком положении ему угрожали убийством.

11. 20 мая 2003 года, после того, как эксперт подтвердил, что разводной ключ был использован в ряде краж, сотрудники милиции доставили заявителя к следователю, который в 1:00 21 мая 2003 года, оформил дальнейшее содержание заявителя под стражей как лица, подозреваемого в кражах.

12. Во время допроса заявитель отвергал обвинения в краже. В ответ он был избит сотрудниками милиции. По словам заявителя, будучи подвешенным на горизонтальной перекладине, в наручниках и вниз головой, он подвергся избиению пластиковой бутылкой, наполненной водой, и деревянной палкой по ногам; на его голову надели противогаз, наполненный жидкостью, который не позволял ему

дышать. За это время заявитель неоднократно раз терял сознание, а когда он пришел в себя, ему сказали, что ему придется признаться в преступлениях. Наконец, он подписал признание в одной краже. Впоследствии он подписал ряд других документов, которые ему дали сотрудники милиции.

13. В ночь на 24 мая 2003 заявитель, по-прежнему находясь под стражей в отделении милиции, попросил отвести его в туалет. Получив разрешение, он перерезал себе артерию на левой руке. Когда кровотечение заметили, он был доставлен в местную государственную больницу. В тот же день, после оказания необходимой медицинской помощи, заявитель был освобожден. Медицинское обследование и помощь, оказанная в связи с травмой, были задокументированы медицинским персоналом.

14. 26 мая 2003 года медики обследовали заявителя и выдали медицинское заключение. Согласно письму Ивано-Франковской областной прокуратуры (далее – «областная прокуратура») от 16 октября 2003 года, заключение гласило, что у заявителя имеются (в дополнение к порезу на левой руке) три ссадины на правом плече и руке, 3 кровоподтека на левом плече, три ссадины и восемь царапин на левой руке, и две ссадины на правой ноге. По данным обвинительного заключения от 28 декабря 2007 года (см. также пункт 32 ниже), после описания травм в докладе содержался вывод, что они должны квалифицироваться как незначительные телесные повреждения, которые могли быть нанесены тупыми предметами (кроме пореза на левой руке) примерно за пять дней до обследования.

15. 29 мая 2003 года заявителю был поставлен диагноз тяжелое суицидальное депрессивное расстройство.

В. Официальное расследование событий

16. После освобождения заявителя, он и его мать неоднократно подавали жалобы в правоохранительные органы с просьбой привлечь сотрудников милиции к уголовной ответственности.

17. 21 июля 2003 года Ивано-Франковская городская прокуратура отказала в возбуждении уголовного дела по жалобе заявителя, заявив, что нет никаких доказательств преступления. Тот факт, что у заявителя были обнаружены многочисленные травмы, был отмечен, но проигнорирован без объяснения причин.

18. Заявитель оспорил этот отказ в областной прокуратуре, которая, в ходе рассмотрения оспариваемого решения, поручила Ивано-Франковскому областному отделу милиции, осуществляющему контроль над соответствующими местными отделениями милиции, провести дополнительное внутреннее расследование фактов жалобы.

19. 27 октября 2003 года областная прокуратура отменила решение от 21 июля 2003 года на том основании, что обстоятельства, при которых заявитель получил телесные повреждения, не были изучены.

20. 3 ноября 2003 года областная прокуратура возбудила расследование в связи с заявленным незаконным задержанием и жестоким обращением с заявителем.

21. 15 декабря 2003 года заявитель обратился в Генеральную прокуратуру, утверждая, что областная прокуратура не может провести беспристрастное расследование в отношении сотрудников милиции, работающих в той же области. Он предложил передать это дело в прокуратуру другой области.

22. 16 июня 2004 года заявитель повторил свою просьбу, поскольку ответа на первую не получил. Он заявил, что еще помнит подробности событий и может опознать причастных сотрудников милиции, но соответствующие следственные меры не были приняты.

23. 24 июня 2004 года городская прокуратура г. Калуш отказала в возбуждении уголовного дела против Ю. и Б., двух сотрудников милиции, которые, по утверждению заявителя, участвовали в этих преступлениях.

24. 26 июля 2004 года областная прокуратура рассмотрела просьбы заявителя о передаче расследования в другую прокуратуру и отклонила их как необоснованные.

25. 25 сентября 2004 года областная прокуратура отказала в возбуждении уголовного дела против сотрудников милиции Ж., К. и Х. из-за отсутствия доказательств их причастности к заявленным преступлениям. Заявитель неоднократно просил предоставить ему копию этого решения, чтобы оспорить его в суде, но безрезультатно.

26. Затем областная прокуратура предъявила двум сотрудникам милиции, А. (оперативному сотруднику местного отделения милиции) и М. (начальнику местного отделения милиции по борьбе с преступлениями против личности и преступлениями, совершенными группой лиц), обвинения в злоупотреблении властью и превышении полномочий, подлоге документов и незаконном задержании в отношении заявителя.

27. 22 октября 2004 года, после окончания расследования, областная прокуратура передала дело в Ивано-Франковский городской суд (далее – «городской суд») для судебного разбирательства.

28. В период с 3 ноября 2004 года по 15 ноября 2006 года слушания по этому делу откладывались городским судом пять раз из-за неявки прокурора, семь раз по просьбе прокурора, и один раз, потому что прокурор был в отпуске.

29. 18 июля 2007 года городской суд провел слушание по этому делу, в ходе которого было установлено, что расследование было проведено поверхностно и неполно. Городской суд отметил, что

решения об отказе в возбуждении уголовного дела в отношении вторых сотрудников милиции не были обоснованными. Поэтому он направил дело на доследование и распорядился предъявить этих сотрудников милиции заявителю для опознания; допросить их; провести между ними и заявителем очную ставку; проверить алиби обвиняемого М.; допросить персонал больницы, в которой заявителю была оказана медицинская помощь; и провести детальную реконструкцию событий с участием заявителя, в связи с противоречивыми показаниями последнего о том, как его якобы подвешивали на перекладине.

30. 24 сентября 2007 года Ивано-Франковский апелляционный суд оставил в силе решение от 18 июля 2007 года, отметив, в частности, что противоречивые показания заявителя должны быть надлежащим образом проверены.

31. 15 ноября 2007 года областная прокуратура начала дополнительное расследование, постановив, что оно должно быть закончено в течение одного месяца.

32. 28 декабря 2007 года областная прокуратура, завершив дополнительное расследование, передала дело в городской суд. Она обвиняла А. в злоупотреблении властью, превышении полномочий, подлоге документов, заведомо незаконном аресте. Кроме того, она обвиняла М. в превышении полномочий и заведомо незаконном аресте. Все предъявленные обвинения основывались на квалифицированных составах соответствующих преступлений. Обвинительное заключение гласило, среди прочего, что М. приказал другим сотрудникам милиции надеть наручники на заявителя и подвесить его на перекладине, расположенной меж двух стульев, надеть противогаз на голову заявителя и перекрыть ему воздух. Указывалось, что «пытка длилась с 1 ночи 21 мая до 9:50 утра 22 мая 2003 года».

33. Согласно обвинительному заключению, другие сотрудники милиции не подлежат преследованию, поскольку мать заявителя утверждала, что, учитывая прошедшее время, заявитель не в состоянии опознать никого из сотрудников милиции, за исключением А. и М.; кроме того, все остальные сотрудники милиции отрицали свою причастность к этим преступлениям.

34. 25 марта 2009 городской суд постановил, что областная прокуратура не выполнила следственные инструкции, содержащиеся в решении от 18 июля 2007 года. Городской суд также постановил отделить от дела обвинения против М. и передал эту часть дела на дополнительное расследование. Что касается обвинений в отношении А., городской суд приступил к их рассмотрению.

35. 26 марта 2009 городской суд постановил, что в ходе ареста заявителя А. подбросил наркотики заявителю, жестоко обращался с ним, избивая кулаками и ногами, фальсифицировал административное

дело в его отношении и незаконно содержал его под стражей. Городской суд признал А. виновным в превышении полномочий, подделке документов и незаконном аресте, и приговорил его к трем годам лишения свободы с запретом занимать должности в правоохранительных органах на такой же срок. Он также частично признал гражданский иск заявителя о возмещении убытков.

36. 15 сентября 2009 Ивано-Франковский апелляционный суд оставил в силе решение от 25 марта 2009 года. Кроме того, он отменил решение от 26 марта 2009 года как необоснованное и передал все дело на дополнительное расследование. Суд отметил, что вина А. не была должным образом доказана из-за серьезных недостатков следствия. Он также постановил, что, учитывая обстоятельства дела, городской суд был неправ в своем решении о рассмотрении обвинений против А. отдельно от обвинений против М.

37. Расследование в отношении А. и М. продолжается.

II. ПРИМЕНИМОЕ НАЦИОНАЛЬНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО

A. Конституция от 28 июня 1996 года

38. Соответствующие положения Конституции гласят:

Статья 28

« Каждый имеет право на уважение его достоинства.

Никто не может быть подвергнут пыткам, жестокому, нечеловеческому или унижающему его достоинство обращению либо наказанию...»

Статья 29

«... В случае настоятельной необходимости предотвратить преступление или его пресечь уполномоченные на то законом органы могут применить содержание лица под стражей в качестве временной меры пресечения, обоснованность которой в течение семидесяти двух часов должна быть проверена судом. Задержанное лицо немедленно освобождается, если в течение семидесяти двух часов с момента задержания ему не вручено мотивированное решение суда о его содержании под стражей...»

В. Уголовный кодекс Украины от 5 апреля 2001 года (в редакции, действовавшей в соответствующее время)

39. Глава II Кодекса касается преступлений против жизни и здоровья человека. Статья 127 Кодекса, входящая в эту главу, гласит:

«1. Пытки, то есть умышленное причинение сильной физической боли или физического либо морального страдания путем нанесения побоев, мучений или иных насильственных действий с целью принудить потерпевшего или другое лицо совершить действия, противоречащие их воле,

карается лишением свободы на срок от трех до пяти лет.

2. Те же действия, совершенные повторно или по предварительному сговору группой лиц,

караются лишением свободы на срок от пяти до десяти лет».

40. Глава XVII Кодекса касается преступлений, совершенных государственными служащими и другими лицами при исполнении их служебных обязанностей. Эти преступления включают злоупотребление властью (статья 364); превышение полномочий (статья 365); подлог документов (статья 366). Квалифицированные составы предусмотрены в случае тяжких последствий и других обстоятельств. В частности, если злоупотребление властью совершено сотрудником правоохранительных органов, наказанием за такое преступление будет лишение свободы на срок от пяти до двенадцати лет с запретом занимать определенные должности (или осуществлять определенную деятельность) на срок до 3 лет и с конфискацией имущества (статья 364 § 3). Глава XVIII Кодекса касается преступлений против правосудия, в частности, заведомо незаконного ареста (статья 371).

С. Уголовно-процессуальный кодекс от 28 декабря 1960 года (в редакции, действовавшей в соответствующее время)

41. Статья 4 Кодекса гласит, что суд, прокурор или следователь обязан, в той степени, в какой это в его силах, возбудить уголовное преследование в каждом случае, когда обнаружены признаки преступления, принять все необходимые меры, предусмотренные законом, чтобы установить, было ли преступление совершено, установить личности виновных и наказать их.

42. Статья 99 Кодекса предусматривает, что если нет оснований для возбуждения уголовного дела, прокурор, следователь, орган дознания или суд должен принять решение об отказе в возбуждении уголовного

дела и обеспечить соответствующее уведомление заинтересованных лиц, компаний, учреждений и организаций.

43. Соответствующие части статьи 106 Кодекса гласят:

«Орган дознания вправе задержать лицо, подозреваемое в совершении преступления, за которое может быть назначено наказание в виде лишения свободы, только при наличии одного из следующих оснований:

1. если это лицо застигнуто при совершении преступления или непосредственно после его совершения;
2. если очевидцы, в том числе и потерпевшие, прямо указывают на данное лицо, как на совершившее преступление;
3. если на подозреваемом или на его одежде, при нем или в его жилище обнаружены явные следы преступления.

При наличии иных данных, дающих основания подозревать лицо в совершении преступления, оно может быть задержано лишь в том случае, если это лицо пытается совершить побег, или не имеет постоянного места жительства, или если не установлена личность подозреваемого.

О каждом случае задержания лица, подозреваемого в совершении преступления, орган дознания обязан составить протокол с указанием оснований, мотивов, дня, часа, года, месяца, места задержания, пояснений задержанного, и времени составления протокола о разъяснении подозреваемому в порядке, предусмотренном частью второй статьи 21 настоящего Кодекса, права иметь свидание с защитником с момента задержания.

Протокол задержания подписывается составившим его лицом и задержанным.

Копия протокола с перечнем прав и обязанностей немедленно вручается задержанному и направляется прокурору.

По требованию прокурора ему также направляются материалы, послужившие основанием для задержания...

В течение семидесяти двух часов после задержания орган дознания должен:

- 1) освободить задержанного, если не подтвердилось подозрение в совершении преступления, если истек установленный законом срок задержания или если задержание было осуществлено с нарушением требований, предусмотренных частями первой и второй настоящей статьи;
- 2) освободить задержанного и избрать в отношении него меру пресечения, не связанную с содержанием под стражей;
- 3) доставить задержанного к судье с представлением об избрании ему меры пресечения в виде заключения под стражу...

Задержание подозреваемого в совершении преступления не может продолжаться более семидесяти двух часов.

Если в установленный законом срок задержания постановление судьи о применении к задержанному лицу меры пресечения в виде содержания под стражей либо постановление об освобождении задержанного не поступило в учреждение для предварительного заключения, начальник места предварительного заключения освобождает это лицо, о чем составляет протокол и направляет уведомление об этом должностному лицу или органу, осуществлявшему задержание».

44. Статья 217 Кодекса предусматривает, в частности, что после завершения расследования по делу, которое должно быть передано в суд для разбирательства, следователь обеспечивает соответствующее уведомление потерпевшего и его представителя, гражданского истца, гражданского ответчика, или их представителей, и разъясняет им их право ознакомиться с материалами дела.

D. Кодекс об административных правонарушениях от 7 декабря 1984 года

45. Статья 44 Кодекса запрещает изготовление, приобретение, хранение, перевозку или пересылку наркотических или психотропных веществ в незначительных количествах без цели их оборота.

46. Статья 263 Кодекса предусматривает, в частности, что любой, кто нарушает правила о распространении наркотиков, может быть арестован и задержан под стражей на срок до трех часов для составления протокола об административном правонарушении. Тем не менее, в целях идентификации лица, совершившего правонарушение, проведения медицинского обследования, выяснения обстоятельств приобретения наркотиков или психотропных веществ и их расследования, срок содержания под стражей может быть продлен до 3 дней. В таких случаях прокурор должен быть проинформирован о продлении этого срока в письменной форме в течение 24 часов. Если арестованное лицо не имеет документов, удостоверяющих личность, срок его содержания под стражей может быть продлен до 10 дней при наличии санкции прокурора.

ПРАВО

I. ЗАЯВЛЕННОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 3 КОНВЕНЦИИ

47. Заявитель жалуется, что он подвергался пыткам со стороны сотрудников милиции, и что эффективное расследование по его жалобам не было проведено. Он ссылается на статью 3 Конвенции, которая гласит:

«Никто не должен подвергаться пыткам, или бесчеловечному или унижающему достоинство обращению или наказанию».

А. Приемлемость

48. Правительство возражает, что заявление является неприемлемым по причине неисчерпания, утверждая, что соответствующее уголовное дело в данное время находится на рассмотрении на национальном уровне.

49. Заявитель утверждает, что национальное уголовное судопроизводство оказалось неэффективным и он не обязан использовать это средство правовой защиты.

50. Суд отмечает, что возражения Правительства тесно связаны с жалобами заявителя в соответствии со статьей 3 Конвенции. В этих обстоятельствах, он присоединяет возражения к существу жалобы заявителя.

51. Кроме того, Суд отмечает, что эта жалоба не является явно необоснованной в значении статьи 35 § 3 Конвенции. Он также отмечает, что она не является неприемлемой по другим основаниям. Поэтому она должна быть признана приемлемой.

В. Существо дела

1. Аргументы сторон

52. Заявитель, ссылаясь на свое изложение фактов, утверждает, что он подвергся жестокому обращению со стороны милиции, и что жестокое обращение с ним представляло собой пытки. Что касается процедурного аспекта статьи 3 Конвенции, он настаивает, что расследование жестокого обращения было неэффективным. В частности, он подчеркивает, что уголовное дело было возбуждено только 3 ноября 2003, то есть более чем через пять месяцев после событий, описанных в жалобе. Эта задержка привела к потере данных и серьезно снизила шансы на установление всех соответствующих фактов и выявление всех причастных сотрудников милиции. Он также отметил, что в обвинительном заключении, рассмотренном судом первой инстанции 28 декабря 2007 года, четко указывалось, что другие сотрудники милиции также принимали участие в жестокое обращение с заявителем, однако обвинения им предъявлены не были.

53. Правительство утверждает, что рассмотрение уголовного дела еще не завершено, и поэтому слишком рано делать какие-либо выводы в отношении правдивости утверждений заявителя о жестокое обращение. Кроме того, оно утверждает, что местные власти выполняют свои процессуальные обязательства в соответствии со статьей 3 Конвенции, и что данное расследование проводится тщательно и всесторонне.

2. Оценка Суда

а. Материальный аспект статьи 3 Конвенции

54. Суд повторяет, что статья 3 Конвенции в абсолютных выражениях запрещает пытки и бесчеловечное или унижающее достоинство обращение. Жестокое обращение должно достигнуть минимального уровня жестокости, чтобы подпадать под действие статьи 3. Оценка этого минимума относительна: она зависит от всех обстоятельств дела, таких, как продолжительность обращения, его физические и психологические последствия, а в некоторых случаях от пола, возраста и состояния здоровья жертвы. В отношении лица, лишённого свободы, применение физической силы, которое не было крайне необходимым в связи с его собственным поведением, унижает человеческое достоинство и, в принципе, представляет собой нарушение права, закреплённого в статье 3 (см. *Labita v. Italy* [GC], no. 26772/95, §§ 119-120, ECHR 2000-IV).

55. При оценке доказательств Суд обычно применяет принцип доказательства «вне разумных сомнений» (см. *Ireland v. the United Kingdom*, judgment of 18 January 1978, Series A no. 25, pp. 64-65, § 161). Тем не менее, доказательство может следовать из сочетания достаточно сильных, четких и согласующихся выводов или аналогичной неопровержимой презумпции фактов. Если рассматриваемые события находятся, полностью или в значительной степени, в исключительном ведении властей, как в случае с лицами, содержащимися под стражей под их контролем, сильная презумпция фактов будет возникать в отношении травм, полученных во время такого содержания под стражей. Более того, бремя доказательства может быть возложено на власти, которые должны представить удовлетворительные и убедительные объяснения (см. *Ribitsch v. Austria*, judgment of 4 December 1995, Series A no. 336, § 34, and *Salman v. Turkey* [GC], no. 21986/93, § 100, ECHR 2000-VII).

56. В данном случае заявитель дал подробные пояснения в отношении методов жестокого обращения с ним со стороны сотрудников милиции (см. пункты 10 и 12 выше), и настаивал, что такое обращение следует квалифицировать как пытки.

57. Хотя тот факт, что заявитель получил серьезные травмы во время содержания под стражей, может, до некоторой степени, быть косвенным подтверждением утверждений заявителя о применении пыток, его недостаточно, чтобы сделать определенные выводы в этом отношении, особенно с учетом того факта, что в то время у заявителя было диагностировано тяжелое депрессивное суицидальное расстройство (см. пункт 15 выше). Нет подробного медицинского заключения о том, каким образом могли быть нанесены травмы,

обнаруженные у заявителя после освобождения. Кроме того, Суд не пришел к позитивным выводам относительно утверждений заявителя о пытках в связи с тем, что эти заявления оказались противоречивыми на национальном уровне (см. пункты 29 и 30 выше). В целом, Суд не имеет достаточно материалов, чтобы отдать предпочтение утверждениям заявителя о жестоком обращении, по сравнению с другими возможными версиями, в частности, версией суда первой инстанции, гласящей, что к заявителю применялось жестокое обращение в виде избияния кулаками и ногами (см. пункт 35 выше).

58. Поэтому Суд не может установить «вне разумного сомнения», что методы жестокого обращения, описанные заявителем, использовались против него сотрудниками милиции (см., напротив, дело *Mikheyev v. Russia*, по. 77617/01, §§ 127-136, 26 January 2006, в котором Суд постановил, что заявитель был подвергнут пыткам, с учетом его попытки самоубийства и доказательств, имеющих в материалах дела).

59. Отклоняя утверждения заявителя о применении пыток, Европейский Суд по-прежнему считает, что имеются достаточные основания считать, что заявитель получил многочисленные травмы (см., в частности, пункт 14 выше), которые были достаточно серьезными, чтобы квалифицироваться как жестокое обращение, подпадающее под действие статьи 3 Конвенции. Остается лишь установить, должны ли государственные органы нести ответственность за эти повреждения в соответствии с этой статьей Конвенции.

60. Суд отмечает, что 26 мая 2003 года медицинские работники пришли к выводу, что травмы заявителя могли быть получены им примерно за пять дней до обследования, то есть 21 мая 2003 года. Эта дата попадает в период, когда заявитель находится под контролем милиции.

61. Кроме того, Суд не находит в материалах дела возможных указаний, что эти повреждения могли быть нанесены заявителю до его ареста или после его освобождения. Кроме того, к настоящему времени следственные органы не предложили какой-либо своей версии событий, предполагающей, что сотрудники милиции непричастны к жестокому обращению с заявителем. Правительство в своих замечаниях воздерживается от любых комментариев по этому вопросу и прямо не возражает против утверждений заявителя о том, что телесные повреждения были нанесены ему во время содержания под стражей.

62. При таких обстоятельствах Суд установил, что травмы, о которых идет речь, были получены заявителем во время нахождения под контролем властей, и считает, что государство, которое не

представило каких-либо объяснений, должно нести ответственность за них.

63. Следовательно, имело место нарушение одного из основных аспектов статьи 3 Конвенции.

в. Процессуальный аспект статьи 3 Конвенции

64. Суд повторяет, что, когда человек предъявляет необосновательные жалобы о том, что он подвергся жестокому обращению со стороны государственных органов в нарушение статьи 3, то это положение, в сочетании с общей обязанностью государства по статье 1 Конвенции, требует проведения эффективного официального расследования. Чтобы расследование считалось «эффективным», оно должно, в принципе, быть способным привести к установлению истины по делу, выявлению и наказанию виновных. Это не обязательство результата, а одно из средств. Власти должны принять разумные меры, доступные им, для получения доказательств в отношении инцидента, включая, в частности, свидетельские показания, судебно-медицинские доказательства, и так далее. Любой недостаток расследования, который подрывает его способность установить причины получения травм или выявить виновных, ставит под сомнение выполнение этой нормы, а также требований оперативности и разумной скорости, подразумеваемых в данном контексте (см., среди прочего, *Mikheyev*, cited above, § 107 et seq., and *Assenov and Others v. Bulgaria*, judgment of 28 October 1998, *Reports* 1998-VIII, §§ 102 et seq.).

65. В случаях, соответствующих статьям 2 и 3 Конвенции, где рассматривается эффективность официального расследования, Суд часто оценивает, оперативно ли власти реагировали на жалобы в соответствующий момент времени (см. *Labita*, cited above, §§ 133 et seq.). Учитываются вопросы, связанные с началом расследования, задержками при приеме заявления (см. *Timurtaş v. Turkey*, no. 23531/94, § 89, ECHR 2000-VI, and *Tekin v. Turkey*, 9 June 1998, § 67, *Reports* 1998-IV), а продолжительность предварительного расследования (см. *Indelicato v. Italy*, no. 31143/96, § 37, 18 October 2001).

66. Чтобы расследование было эффективным, лица, ответственные за проведение расследования и проводящие расследование, должны быть независимыми и беспристрастными, по закону и на практике. Это означает не только отсутствие иерархической или институциональной связи с лицами, виновными в инциденте, но и практическую независимость (см. *Kolevi v. Bulgaria*, no. 1108/02, § 193, 5 November 2009).

67. Суд напоминает, что понятие эффективного средства правовой защиты в отношении утверждений о жестоком обращении подразумевает также эффективный доступ заявителя к процедуре

расследования (см. *Assenov and Others*, cited above, § 117). Должен существовать достаточный общественный контроль над ходом расследования и его результатами для обеспечения практической подотчетности, поддержания веры общественности в соблюдение властями законности и недопущения какого-либо сговора или попустительства незаконным действиям (см. *Kolevi*, cited above, § 194).

68. Что касается настоящего дела, Суд имеет серьезные сомнения в том, что расследование утверждений заявителя было проведено. В этой связи Суд ссылается на решение от 21 июля 2003 года, в котором власти отказали в возбуждении уголовного дела, не попытавшись, однако, как-либо объяснить происхождение травм, выявленных у заявителя после его освобождения из отделения милиции.

69. Суд также согласен с заявителем, что эффективности расследования в целом был нанесен серьезный ущерб из-за первоначальной 5-месячной задержки в возбуждении уголовного дела. Действительно, наиболее благоприятное время для сбора доказательств было упущено, и это затягивание значительно уменьшило шансы на успех дальнейшего разбирательства.

70. Суд отмечает, что заявитель дважды просил Генеральную прокуратуру о передаче дела в другой орган дознания, утверждая, что областная прокуратура не может беспристрастно расследовать дело в отношении сотрудников местной милиции. Тем не менее, эти просьбы рассматривались самой областной прокуратурой. Отсюда следует, что заявителю не было обеспечено независимое рассмотрение этих запросов, которые, учитывая обстоятельства дела, не представляются явно необоснованными.

71. Кроме того, Суд не может игнорировать трудности, испытанные заявителем при получении доступа к процессуальным документам на досудебных стадиях производства. Он отмечает, что Уголовно-процессуальный кодекс предусматривает право жертвы на доступ к материалам дела после завершения расследования (см. пункт 44 выше), но не регулирует должным образом такой доступ жертвы или другого заинтересованного лица на более ранних стадиях.

72. Ограничения на доступ к материалам дела на стадиях возбуждения уголовного дела, дознания и следствия могут быть оправданными, в частности, необходимостью сохранения секретности данных, находящихся в распоряжении государственных органов, или защиты прав других лиц. Тем не менее, необходимо найти справедливый баланс между вышеупомянутыми интересами, с одной стороны, и правом заявителя на эффективное участие в разбирательстве, с другой стороны.

73. В связи с тем, что внутреннее законодательство не предусматривает специальной процедуры предоставления доступа к материалам дела на вышеупомянутых досудебных стадиях, и не

определяет, в частности, оснований для отказа в доступе или его предоставления, степени, в которой заявитель может получить доступ, сроков рассмотрения соответствующих запросов и предоставления доступа, Суд считает, что возможность заявителя эффективно участвовать в судебном разбирательстве была явно ограничена в рассматриваемый период.

74. В этой связи Суд также отмечает, что просьбы заявителя о выдаче ему копии решения от 25 сентября 2004 об отказе в возбуждении уголовного дела против сотрудников милиции Ж., К. и Г. были отклонены. Нет никаких свидетельств того, что отклонение этих просьб было оправдано законной целью. Поэтому Суд считает такое ограничение права заявителя на доступ к материалам дела, которое стало возможным из-за отсутствия соответствующих гарантий в национальном законодательстве, несоразмерным и не соответствующим требованиям эффективного доступа к судопроизводству в рамках статьи 3 Конвенции.

75. Наконец, Суд отмечает, что в двух случаях национальные суды передавали дело в отношении А. и М. в областную прокуратуру, посчитав, что расследование было проведено с серьезными недостатками. Национальные суды предписали провести ряд элементарных следственных действий, в том числе в отношении других сотрудников милиции, чье участие в предполагаемых преступлениях не было должным образом исследовано. Суд считает, что такие многократные передачи по истечении значительного периода времени (например, первая передача имела место более чем через четыре года после событий жалобы), свидетельствуют о серьезных недостатках внутреннего уголовного разбирательства, которое длится до сих пор.

76. В связи с вышеизложенным, Суд пришел к выводу, что уголовное разбирательство на национальном уровне в связи с утверждениями заявителя о жестоком обращении не было эффективным. Поэтому он отклоняет возражения Правительства о том, что не были исчерпаны все внутренние средства правовой защиты, и считает, что имело место нарушение процессуального аспекта статьи 3 Конвенции.

II. ЗАЯВЛЕННОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 5 §§ 1 (с) и 3 КОНВЕНЦИИ

77. Заявитель жалуется, что его содержание под стражей было незаконным, и что он не был доставлен к судье после ареста. Заявитель ссылается на статью 5 §§ 1 (с) и 3 Конвенции, которая гласит:

«1. Каждый имеет право на свободу и личную неприкосновенность. Никто не может быть лишен свободы иначе как в следующих случаях и в порядке, установленном законом:

...(с) законное задержание или заключение под стражу лица, произведенное с тем, чтобы оно предстало перед компетентным органом по обоснованному подозрению в совершении правонарушения или в случае, когда имеются достаточные основания полагать, что необходимо предотвратить совершение им правонарушения или помешать ему скрыться после его совершения; ...

3. Каждый задержанный или заключенный под стражу в соответствии с подпунктом (с) пункта 1 настоящей статьи незамедлительно доставляется к судье... в течение разумного срока или имеет право... на освобождение до суда. Освобождение может быть обусловлено предоставлением гарантий явки в суд».

А. Приемлемость

78. Правительство утверждает, что эти жалобы неприемлемы по причинам исчерпания средств правовой защиты, заявляя, что уголовное разбирательство, в котором будут установлены соответствующие факты, еще не закончено.

79. Заявитель утверждает, что средства, на которые ссылается Правительство, не были эффективными.

80. Суд, принимая во внимание заключение, что это средство не является эффективным в отношении жалоб по статье 3 Конвенции (см. пункт 76 выше), отвергает возражения Правительства по данному поводу.

81. Суд отмечает, что эти жалобы не являются явно необоснованными в значении статьи 35 § 3 Конвенции. Он также отмечает, что они не являются неприемлемыми по другим основаниям. Поэтому они должны быть признаны приемлемыми.

В. Существо дела

1. Аргументы сторон

82. Заявитель настаивает, что он содержался под стражей в нарушение национального законодательства. Он утверждает, что, независимо от различных формальных обоснований его содержания под стражей в различные промежутки времени, весь период его содержания под стражей должен рассматриваться как имеющий целью привлечение его к уголовной ответственности за кражи. Заявитель также утверждает, что его содержание под стражей, которое длилось более шести дней, не основывалось ни на каком судебном разрешении, в нарушение национального законодательства и соответствующих

положений Конвенции. Даже если принять во внимание подход местных властей, в любом случае имели место серьезные процедурные нарушения, касающиеся его ареста и содержания под стражей, как в рамках Кодекса об административных правонарушениях, так и Уголовно-процессуального кодекса.

83. Правительство не сделало никаких заявлений по существу жалобы, утверждая, что соответствующие факты не были установлены национальными органами.

2. Оценка Суда

а. Статья 5 § 1 (с) Конвенции

84. Суд повторяет, что выражения «законный» и «в порядке, установленном законом» в статье 5 § 1 относятся, по существу, к национальному законодательству и подразумевают обязательство соблюдать основные и процедурные нормы. Хотя именно национальные власти, в частности, суды, должны толковать и применять внутреннее право, Суд может рассматривать вопрос о соблюдении национального законодательства для целей данного положения Конвенции. Тем не менее, «законность» содержания под стражей в рамках внутреннего законодательства является основным, но не всегда решающим элементом. Суд должен, кроме того, убедиться, что содержание под стражей в течение рассматриваемого периода было совместимо с целью статьи 5 § 1 Конвенции, которая заключается в защите лица от произвольного лишения свободы (см. *Yeloyev v. Ukraine*, no. 17283/02, §§ 41-42, 6 November 2008).

85. В отношении настоящего дела, Суд отмечает, что 17 мая 2003 года власти решили арестовать заявителя, поскольку они получили определенную информацию о том, что он мог совершить кражи в том районе. Во время ареста власти изъяли доказательства, связанные с предполагаемыми кражами. Отсюда следует, что арест заявителя был произведен с целью доставки его в компетентные органы по подозрению в совершении краж.

86. Между тем, после ареста власти официально оформили первые три дня содержания заявителя под стражей в соответствии с Кодексом об административных правонарушениях. Только последующий период содержания под стражей был оформлен в соответствии с Уголовно-процессуальным кодексом. Тем не менее, представляется, что в течение всего срока содержания под стражей власти занимались сбором доказательств в отношении краж со взломом и допрашивали заявителя в этой связи. Таким образом, Суд пришел к выводу, что административное задержание заявителя также на самом деле было частью непрерывного периода содержания заявителя под стражей в качестве подозреваемого в кражах.

87. Далее Суд отмечает, что содержание заявителя под стражей в качестве подозреваемого, которое началось 17 мая 2003 года и закончилось 24 мая 2003 года, продолжалось более 6 дней, но судебная санкция не была получена в течение 72 часов, что идет вразрез с национальным законодательством. Кроме того, Суд заключает, что в обстоятельствах данного дела административное задержание было средством продления лишения заявителя свободы без санкции суда.

88. Исходя из этого, Суд считает, что власти действовали недобросовестно, использовали обман в отношении заявителя и не сделали попытки применять национальное законодательство надлежащим образом, так, чтобы обеспечить должным образом соблюдение процессуальных прав заявителя, связанных с его статусом подозреваемого в совершении преступления. Такое поведение местных властей идет вразрез с принципами правовой определенности и защиты от произвола, закрепленных в статье 5 § 1 Конвенции (см., с соответствующими изменениями, *Doronin v. Ukraine*, no. 16505/02, § 56, 19 February 2009). Следовательно, имело место нарушение статьи 5 § 1 Конвенции.

в. Статья 5 § 3 Конвенции

89. Суд повторяет, что статья 5 § 3 Конвенции предоставляет арестованным или задержанным по подозрению в совершении уголовного преступления гарантии от произвольного или необоснованного лишения свободы. Это структурно связано с двумя отдельными составляющими: ранним периодом после ареста, когда человек берется под контроль государственными органами, и периодом перед возможным судебным разбирательством уголовного суда, в течение которого подозреваемый может содержаться под стражей или быть освобожден с условиями или без них. Эти два элемента охватывают различные права и, кажется, не связаны логически и во времени. (см., например, *Stephens v. Malta (no. 2)*, no. 33740/06, § 52, 21 April 2009).

90. В данном деле возникает вопрос о наличии первоначального автоматического пересмотра ареста заявителя и его содержания под стражей. Суд установил, в рамках статьи 5 § 1 (с) Конвенции, что заявитель содержался под стражей в качестве подозреваемого более шести дней и не был доставлен к судье.

91. Принимая во внимание соответствующее прецедентное право (см. *Brogan and Others v. the United Kingdom*, 29 November 1988, § 62, Series A no. 145-B and *Salov v. Ukraine*, no. 65518/01, §§ 59 and 60, ECHR 2005-VIII (extracts)), Суд считает, что содержание заявителя под стражей в течение столь длительного периода времени без судебного контроля нарушило жесткие временные ограничения статьи 5 § 3

Конвенции. Таким образом, Суд приходит к заключению, что имело место нарушение этого положения.

III. ПРИМЕНЕНИЕ СТАТЬИ 41 КОНВЕНЦИИ

92. Статья 41 Конвенции гласит:

«Если Суд решает, что имело место нарушение Конвенции или Протоколов к ней, а внутреннее право Высокой Договаривающейся Стороны допускает возможность лишь частичного устранения последствий этого нарушения, Суд, в случае необходимости, присуждает справедливую компенсацию потерпевшей стороне».

A. Вред

93. Заявитель потребовал выплатить ему 30000 евро (EUR) в качестве компенсации нематериального вреда.

94. Правительство считает это требование необоснованным.

95. Решая на основе справедливости, как того требует статья 41 Конвенции, Суд присуждает заявителю 10000 евро в качестве компенсации нематериального вреда.

B. Расходы и издержки

96. Заявитель не выдвинул требований о возмещении ему расходов и издержек. Соответственно, Суд не присудил ему никаких выплат по этой статье.

C. Пеня

97. Суд считает разумным, что пеня должна быть основана на граничной кредитной ставке Европейского Центрального Банка, к которой следует добавить три процентных пункта.

ПО ЭТИМ ОСНОВАНИЯМ СУД ЕДИНОГЛАСНО

1. *Присоединяет к существу дела* возражения Правительства относительно исчерпания внутренних средств правовой защиты и *отклоняет* их после рассмотрения существа дела;

2. *Признает* заявление приемлемым;

3. *Постановляет*, что имело место нарушение статьи 3 Конвенции в ее основном аспекте;
4. *Постановляет*, что имело место нарушение статьи 3 Конвенции в ее процедурном аспекте;
5. *Постановляет*, что имело место нарушение статьи 5 § 1 (с) Конвенции;
6. *Постановляет*, что имело место нарушение статьи 5 § 3 Конвенции;
7. *Постановляет*
 - (а) государство-ответчик должно выплатить заявителю, в течение трех месяцев с даты, когда судебное решение станет окончательным в соответствии со Статьей 44 § 2 Конвенции, 10000 евро (десять тысяч евро) в качестве компенсации нематериального ущерба, плюс любые налоги, которые могут быть начислены на эту сумму, в переводе в украинские гривны по курсу, действующему на день выплаты;
 - (б) с момента истечения вышеупомянутых трех месяцев до выплаты, на вышеуказанную сумму начисляется пеня, равная граничной кредитной ставке Европейского Центрального Банка в этот период, плюс три процентных пункта;
8. *Отклоняет* оставшуюся часть требований заявителя относительно компенсации.

Составлено на английском языке и зарегистрировано в письменном виде 22 июня 2010 года, в соответствии с Правилom 77 §§ 2 и 3 Регламента Суда.

Клаудия Вестердийк
Секретарь

Пеер Лоренсен
Председатель

В соответствии со статьей 45 § 2 Конвенции и Правилom 74 § 2 Регламента Суда, к данному решению прилагается особое мнение судьи Калайджиевой.

П.Л.
К.В.

ОСОБОЕ МНЕНИЕ СУДЬИ КАЛАЙДЖИЕВОЙ

Я присоединяюсь к выводам большинства, что обстоятельства данного дела свидетельствуют о нарушении прав заявителя, предусмотренных статьями 3 и 5 Конвенции. Выводы большинства относительно серьезности заявленного жестокого обращения основываются на представленных Суду сведениях и стандарте доказывания «вне разумных сомнений», который заявитель не выполнил – он не представил никаких доказательств того, что он подвергся этим пыткам, и смог обосновать лишь утверждения о жестоком обращении, указав на остаточные следы телесных повреждений. Заявитель не смог получить копии некоторых документов следствия, и Правительство-ответчик их не представило.

В данном случае государство-ответчик возражало, что жалобы заявителя относительно пыток и жестокого обращения являются предметом разбирательства национальными органами, которое длится уже 7 лет. Кроме того, оно утверждало, что преждевременные выводы Суда по этим жалобам могут отрицательно повлиять на справедливость будущего судебного разбирательства в отношении двух старших офицеров милиции. При отсутствии таких обвинений против офицеров, возможно участвовавших в заявленном обращении, такой опасности, по моему мнению, нет.

Однако остается вопрос, может ли Суд, с учетом явно неэффективного внутреннего расследования жалоб заявителя, которое можно рассматривать, в общем, как отказ проводить расследование, оказаться в ситуации, когда, из-за отсутствия доказательств в результате такого отказа, он не сможет проверить столь серьезные жалобы и даже будет вынужден оправдать заявленные факты пыток в результате неспособности национальных властей расследовать их.

Возмутительно то, что, несмотря на явные указания органов прокуратуры, что, согласно выводам следствия, «М. приказал другим сотрудникам милиции надеть наручники на заявителя и подвесить его на перекладине, положенной между двух стульев, надеть противогаз на голову заявителя и перекрыть ему воздух» и «пытка длилась с 1 ночи 21 мая до 9:50 утра 22 мая 2003 года» (см. пункт 32), офицеру М. не было предъявлено обвинения в отдаче такого приказа, а другие сотрудники, которые, согласно обвинительному заключению, выполняли этот приказ, не подверглись расследованию и не были обвинены в применении пыток в соответствии со статьей 27 Уголовного кодекса. Национальные суды, которые рассматривали это обвинительное заключение, не имели компетенции поручить органам прокуратуры предъявить обвинения или провести расследование в отношении этих сотрудников милиции, которые применяли пытки в соответствии с приказом, и не могли потребовать

переквалифицировать действия этого офицера на «превышение власти, не содержащее элементы пыток». Через семь лет после событий это может уже быть невозможным. Спустя год после событий – в июне 2004 года – заявитель утверждал, что он может опознать причастных сотрудников милиции, но соответствующие следственные меры не были приняты (см. пункт 22), и, в соответствии с обвинительным заключением, «другие сотрудники милиции не подлежат преследованию, поскольку мать заявителя утверждала, что, учитывая прошедшее время, заявитель не в состоянии опознать никого из сотрудников милиции, за исключением А. и М.» (см. пункт 33). Попытка самоубийства после 7 дней содержания под стражей и допроса в отделении милиции была объяснена диагнозом заявителя – «тяжелое суицидальное депрессивное расстройство», без дальнейшего выяснения, находился ли заявитель в таком состоянии и до его ареста, или же это, возможно, связано с жестоким обращением с ним. В этих обстоятельствах я по-прежнему не убеждена, что внутреннее расследование имело целью «привести к выявлению и наказанию виновных» (см. § 102, *Assenov and Others*, judgment of 28 October 1998, Reports 1998-VIII, with further reference to *McCann and Others v. the United Kingdom* judgment of 27 September 1995, Series A no. 324, p. 49, § 161, the *Kaya v. Turkey* judgment of 19 February 1998, Reports 1998-I, p. 324, § 86, and the *Yaşa v. Turkey* judgment of 2 September 1998, Reports 1998-VI, p. 2438, § 98).

По моему мнению, особое внимание следует обратить на отсутствие каких-либо правдоподобных объяснений причин того, что ключевые доказательства не были собраны в то время, когда это было возможно. На самом деле, тот факт, что в течение семи лет имели место явные, если не преднамеренные, систематические отказы, своевременное и надлежащее расследование не проводилось, а инструкции национальных судов о принятии дальнейших необходимых шагов для расследования спорных утверждений о применении пыток не выполнялись, позволил, по крайней мере, некоторым представителям государства остаться практически безнаказанными в результате того, что прошло много времени.

В таких обстоятельствах, жертва предполагаемого применения пыток будет и далее унижена тем, что открытый отказ от расследования помешал рассмотрению дела Судом и ограничил его роль созерцанием действий, которые, как представляется, лучше было бы классифицировать как «сговор или терпимость к незаконным действиям».